

Владимир КАТКЕВИЧ Особняк на Лагерной

Алексей Иванович Пантелеев, автор веселой, живой и жуткой повести "Республика ШКИД", стал неслышанно популярным в неполные восемнадцать лет. Благословенная Самуилом Маршакон повесть о педагогической неудаче была в кратчайшие сроки переведена на шестнадцать языков, автор, понятное дело, получал гонорары, которые даже в то скудное время были куда обильнее нынешних крох, и не всегда, как говорят моралисты, выдерживал испытания водопадно свалившейся на него славы. Например, позволял принять за рукав сверх разумной меры, о чем исповедался в мемуарах, которые завещал опубликовать через два года после кончины, никак не раньше.

Один из загулов в подвальном ресторане на Гороховой завершился безжалостным избиением Пантелеева, позволившего себе колкость в адрес блатной компании. Молотили ногами, пока у кого-то не оторвалась подошва на ботинках "джимми". Все происходило с таким же накалом, как в наше время. Публика шаркалась. Заторможенная милиция открыто симпатизировала истязателям. Пострадавшего везли в участок, как на расстрел, он впереди, а сзади блатные возмущенно мели клешами Невский и угощали милицейского папиросками "Дукат".

"Свидетели" похитили документы с деньгами, и потому требовалось подтверждение личности. Род занятий юный автор определил однозначно: "Пишатель", — вызвав улыбки сомнения в дежурной части. Набрали номер телефона гостиницы "Астория".

— Алексей Макшимович, извините за поздний звонок... — прошепелявил Пантелеев, оставивший два зуба в ресторане.

Из "Астории" прислали извозчика. Горький прихварывал, в номере присутствовал профессор, который насчитал у Пантелеева двадцать шесть кровоподтеков.

— Разве можно, батенька, так написать? — пожурил юного коллегу великий пролетарский классик.

Огорчительное все-таки отступает, как, впрочем, и приятное. Возможно, у модного тогда молодежного прозаика истощились гонорары, почему в очередной приезд в Одессу автор "Республики ШКИД" останавливался на постой уже не в "Лондонской", а с почетной халатностью в детской республике "Коминтерн", что находилась на 4-ой станции Большого Фонтана. В республике-детдоме автора комсомольского бестселлера, конечно же, привечали, повесть стала настольной, стриженные библиотекарши и воспитательницы стреляли в Пантелеева глазами. Алексею же Ивановичу было не до амуров, причина приезда выглядела тривиально и кляузно, Пантелеев судился с Одесской кинофабрикой из-за авансов.

А кто с ней не судился? Сам Гайдар инструктировал Пантелеева, как прищипывать киношников.

Мглыстями осенними утрами Пантелеев брел, как на работу, на ненавистную кинофабрику по загадочной Кленовой, в палисадниках стекленели росой астры, пахло изабеллой. Кленовая до сих пор в изоляции, как старлица, никуда не владеет и ниоткуда не вытекает. О скрытом существовании ее не догадываются скучно живущие рядом обитатели хрущев, нахально внедрившихся в стадо особнячков. Наивные эти штучные особнячки, строения, ладно сработанные из мелкопористого ракушечника кооперативом "Самомощь", упорно не штукатуренные, разбежались от циклического трамвайного оживления Фонтанской дороги по улицам Черняховского (Прямой), по Пионерской (Лагерной). Дачно-колоннальный мотив сопровождает строения, даже намека нет на язык, но характер присутствует, у каждого свой норов вперемежку с южным легкомыслием.

Пантелеев проходил мимо одноэтажного дома, с колоннами у парадного крыльца, по Лагерной, 5 (Пионерская, 9), где всегда сушилось детское. Возможно, с ним уважительно здоровались из-за штукетника и он кивал и шлепал мимо. Через два дома, у ны-

нешней улицы Говорова, шествие разнокалиберных строений тормозилось, дальше стремились к речке-воночке огороды и виноградники.

— Гужбан, ты не прав! — говорил Пантелеев пугалу.

Пугало в вылинявших лохмотьях было похоже на подростка Гужбана, беспризорника из "ШКИДы".

Идти на кинофабрику не хотелось, автор интересовался у старика, пасшего коз:

— Батя, а где шумряк на разлив?

— Старого уже нема, а молодое не сыграло, — набивал цену козопас.

Наливали на Лагерной, Пантелеев с желанием возвращался. Освежившись ледяной водой, писатель закурился, снова проходил мимо дома № 5, не догадываясь о его секретях. Дом с колоннами был необыкновенным, при постройке "Самомощь" оборудовала его тайными помещениями, черными ходами, печкой с хитростью, за которой могло прятаться, да и пряталось от полиции до десятка именитых подпольщиков. На этой явке пили чай, а может, и домашнее вино товарищи

Активисты "Южного рабочего союза" Окольские происходили из семьи потомственных народовольцев. Брат по матери Михаил Деметьевич Тереньев мотал царский срок на рудниках Кары. Его сестра бомбистка Людмила Дементьевна Тереньева была приговорена к смертной казни и повесилась на собственной косе в Петропавловской крепости.

С властью боролись яростно, последовательно и кланово, как нынче в Чечне.

Арестовали Бориса Евгеньевича в 1895, год провел в одиночке под следствием на Водопроводной, потом с этапом отправили в Якутию. Из царской ссылки Борис Евгеньевич привез жену Софью Ильиничну, простую русскую женщину, которую политкаторжане обучили грамоте. В 1913 поставили дом на Лагерной, 5. Дом имел пять комнат и коридор. В каждой из комнат было две, а то и три двери, при обыске легко было спрятаться либо спуститься в подвал, подняться на чердак или замереть в тайнике-нише. Через топку русской печки, загороженную съемны-

Особняк

В. Воронский, Ю. Стеклов, Р. Землячка, А. Трофимов, Г. Петровский, Д. Ульянов. Присутствие родственника вождя на явочной квартире дало повод не шибко грамотным соседям уже в советское время растревожить, что сам Ленин сигнал в печку. Заблуждение утвердилось еще непоколебимее, когда дендропарк на месте воночки нарекли именем Ленина. Увы, Пантелеев этого не знал, да и кинофабрика отравляла жизнь искрами, иначе непременно бы написал увлекательную многоходовую вещь или горячо бы взялся и мучился, потому что это не совсем его тема.

У дома № 5 писатель еще раз раскланивался с хозяйкой и шлепал напрямик по тропке через пустырь, камыши и будяки к кинофабрике. У речки-воночки стояли табором цыгане, в шалашах ютились деклассированный элемент, потому в кармане у бывшего пиетерского плашкета топорщилась остро заточенная отвертка, в руке была палка. От собак.

Когда в сумерках Пантелеев возвращался, мысленно посылая на три буквы киношников, у дома № 5 по старой конспиративной привычке прохаживался хозяин, чтобы исподлобья проверить, все ли подходы к бывшей явке безлюдны. Прохаживался он в коротко обрезанных валенках, не по сезону, подшитых ластовиной резиной, жилетке, подобной овчиной, и выглядел провинциальным. К утеплению была медицинская причина, ноги хозяин подморозил в Якутии, в царской ссылке. Возможно, огорченный общением с киношниками Пантелеев забывал ему кивнуть. Хозяин дожидаясь, когда странный молодой человек скроется на Становой, и только после этого запирает на ночь калитку, к которой была прибита фанерная табличка "Окольский Борис Евгеньевич".

Имя народовольцев Окольских, Бориса Евгеньевича и Виктора Евгеньевича, до сих пор носит одна из центральных улиц Якутска, подтвердил мой фонтанский приятель, одессит, полковник российского Комитета по контролю за оборотом наркотиков, он недавно проводил в Якутске операцию. Во как! Даже стремление алмазной республики Саха к самостоятельности не спровоцировало переименование. У нас же в Отечестве наблюдается полное забвение.

С.Б. Окольский

ми камнями, в подпол залезало до десяти революционеров. В тайниках хранились письма В.И. Ленина В.В. Воронскому. После смерти Бориса Евгеньевича Окольского в 1954 году письма пропали. Их читал и помнил Иван Иванович Литвинов, проживавший по Пироговской, 3. Сейчас там проживают другие, и разыскать Литвинова автору пока не удалось.

Возникает логичный вопрос: на какие, извините, шиши, скромный служащий Херсонского банка поставил такой просторный дом? К счастью для хозяина, сыск тогда себя приземленными вопросами не грузил, как, впрочем, и сейчас органам наплевать, на какие тугрики на том же Фонтане гордят пятиэтажные доходные дома. А средства, возможно, добытые после экспроприации тифлисского банка товарищем Коба, поступали в партийную кассу, дальше краденое централизованно распределялось по революционной необходимости, и никто из обойденных подпольщиков не опускался до злобной зависти, идеалы были выше.

Через два года в этом самом доме у политкаторжанина Евгения Борисовича Окольского родился сын Сережа. В голодные двадцатье партийные связи и заслуги позволили определить сына в... детский дом имени Коминтерна, такими необычными привилегиями пользовались политкаторжане. Коминтерновское детство сам Сергей Борисович Окольский считает счастливым и полноценным, и, наверное, не зря, детский городок для многих одесских мальчишек был желанным, коммуна-

рам завидовали. Пантелеев, как известно, опубликовал повесть в 1926 году, потому возраст вполне позволял Сергею Окольскому встречаться нос к носу с прижившимся в "Коминтерне" писателем. По окончании в мае 1932 году фабзауча № 84 Сергей Окольский поступил в Одесский морской техникум.

В 1937 году выпускник техникума Сергей Окольский прошел стажировку на крейсере "Коминтерн"(!), где ему было присвоено звание воентехника первого ранга. Коминтерновская фатальность получила новый виток, но отнюдь не конечный, развитие темы вопреки марксистским догмам еще впереди.

В первый же день войны студент пятого курса Одесского водного института Сергей Окольский занял очередь среди добровольцев в военкомате Сталинского района. Нетерпеливые норавлили угодить на фронт без очереди, их приструнивали, дело чуть не дошло до драки.

Воевал Сергей Борисович на минных тральщиках, больших охотниках ОВР, охраны военного района Севастополя. Дивизион базировался в Стрелецкой бухте. Когда один из тральщиков снаряжали для конвоя военных транспортов в осажденную Одессу, попросился на этот тральщик.

Участвовал в нескольких конвоях, но на берег не выходил. После очередного похода пожаловало на борт начальство, комдив Гойко-Билан и с ним кагда, флаг-дизелист. Комдива смутил порядок в машине, чистота, военных разрушений комдив не обнаружил, царапин, пробоин, течей, цементных ящиков.

— Вы воевали или черт знает что? — спросил. — В чем дело? Почему все, как на смотре?

— Чтоб легче было воевать, — доложил стармех Окольский. — В ремонте не нуждаемся, нам запчастки нужнее, а текущий ремонт мы тральщику в ходу даем.

— Как в ходу? В конвое? Кто разрешил?

Поочередно ремонтировали цилиндры по ночам в ходу, у каравана, идущего зигзагами, скорость 6 узлов, а у тральщика крейсерская — 27. Почему ночью? Днем нельзя, авианалеты.

Так и служил до полной уверенности в готовности машин, до образцовости, машина уход любит.

На внешний рейд Одессы приходили в полной темноте к 23 часам. Немцы обстреливали рейд из Григорьевки, потому ставили дымовую завесу и выгружали боеприпасы, принимали раненых. Стармеху тральщика Окольскому, понятное дело, при такой готовности вырваться в увольнение не представлялось возможности. Командир же отлучался ненадолго к старшему морскому начальнику, доложить о прибытии. Штаб располагался в начале улицы Гоголя, командир взбежал по Потемкинской и не удержался от соблазна свернуть налево. Налево по Ришельевской находился коммерческий ресторан с морским названием "Волна". Командиру, прибывшему из осажденного Севастополя, где нормировалась даже питьевая вода, захотелось хлебнуть коммерческого пива. Пока облизывал пену с губ, к столику подсели двое, потребовали документы. Долго сверяли удостоверение с живой личностью. Натура отличалась от фотографического изображения и выглядела экзотично, капитан-лейтенант отразил в конвоях немислимые бакенбарды, и усы превышали уставные нормы. Таким фантазиям в условиях монотонной вахтовой жизни подвержены многие моряки, но береговые энкаведэшники фантазии в расчет не принимали. Препроводили в смерш на Советской Армии. Семафорили на борт тральщика, чтобы кто-то из офицеров приехал подтвердить личность задержанного. Прибыл Окольский. Командира отпустили с условием умерить растительность на лице. Окольский, пользуясь замешательством, вымолил у командира увольнение на два часа и помчался на Лагерную.

На Лагерной пахло изабеллой, в речке-воночке беззаботно квакали лягушки, но из сараев не кукарекали, как прежде, петухи, их съели еще летом. И

голубятня пустовала. Заметно сдавший батюшка одиноко горбился в палисаднике. На подоконнике лежала библиотечная "Республика ШКИД".

— Одессу не сдадут? — голос у бывшего политкаторжанина дрогнул догадкой.

Сергей оставил "сидор" с пайком и опрометью побегал в порт на корабль.

На траверзе Ак-Мечети конвой обычно поджидали свежие транспорты, готовые следовать на Одессу. Пришли, караван на якорном месте нетерпеливо дергается, как положено, принял его, но повернули почему-то к Феодосии. Уже в море догнала шифровка: "Одессу сдали".

Сквозь зубы цедились запретные новости. По "морскому телефону" передали, что на крейсере "Коминтерн" экипаж поднял мятеж и повел его на Констанцу сдаваться. Говорили, что крейсера блокировали эсминцы, команда арестована.

Когда сдали Крым, дивизион тральщиков перебрали из Стрелецкой бухты на новое место дислокации в селение Кулеви на речке Хопи, это вблизи Поти. В устье пригнали разоруженный крейсер, трюмы засыпали песком, крейсер стал частью брекватера. Это был "Коминтерн"...

Окольский участвовал на тральщиках и больших охотниках в боях, тралениях, диверсиях и десантах. Случалось, что оробевших десантников сталкивали за борт, чтоб успеть вернуться за пополнением. ("Это мелочи жизни".)

Приходили на траверз крымских городков, где стояли немецкие гарнизоны. На семафорный запрос отвечали беспорядочным миганием, дерзко швартовались, высаживали разведчиков групп возмездия. Разведчики вырезали своих, сотрудничавших с немцами, чтобы другие свои боялись и уходили.

На фронт Окольский попросился в первый день войны, рапорт же на увольнение положил комдиву 10 мая, в первый день мира.

— Почему увольняетесь? — спросили на военном совете.

— Жена заканчивает в Одессе водный институт, — простодушно доложил, — а я все никак не могу окончить...

Об обиде умолчал, а она была. Прибыл в дивизион старшим лейтенантом, в том же звании и состоял. За это емкое лихолетье сослуживец-погодка старший лейтенант дорос до вице-адмирала. Чем вызвана служебная черствость, объяснил смершевец: батюшка-народоволец остался в оккупации.

На совете почившего государства, почему не эвакуировали заслуженного политкаторжанина с подорванным в заполарье здоровьем. Упрек все равно теперь безадресный. Возможно, отмахнулись бы, дескать, для связи. Если письма Владимира Ильича Володарскому пропали, то письма Бориса Евгеньевича Окольского, написанные в последние дни оккупации и отправленные после освобождения Одессы, сохранились.

"...До 15 марта городом и всей областью между Бугом и Днестром управляли румыны, — пишет Борис Евгеньевич сыну на фронт в апреле 1944-го. — С 15 марта румыны стали передавать управление немцам... 1 апреля выпустили из тюрьмы уголовников. Грабежи продолжались вовсю, везде были заборы, везде брали взятки за отъезд, и очень часто обманывали... Два одесских коммерсанта заплатили по 100 тысяч марок и ни с чем вернулись из Овидиополя... С утра до поздней ночи гремели взрывы в порту, на холодильнике, на Среднефонтанской подорвали полотно железной дороги. По авторадю, развезжавшему по городу, приказали 9 апреля закрыть плотно окна, двери и ставни. Зачем? Если будут сильные взрывы, то нужно наоборот все открывать... Значит, эвакуировать некуда, и немцы всех уничтожат. Ты можешь представить положение населения? Я отправился на Фонтан к зубному доктору Крапиве предупредить. Как только вернулся, раздался оглушительный взрыв. Взрывали склады с боеприпасами на 5-ой Фонтана, которые немцы не успели вывезти. У нас в доме вышибло парадную дверь, дверь на террасу. Над комнотой мамы, передней и моей крышу совсем разворотило. Нечем чинить, а тут как на зло дожди зарядили..."

Казаки, что стояли в домах Шандренко и Чертлера, подошли только

(Окончание на 6-й стр.)

Владимир КАТКЕВИЧ Особняк на Лагерной

(Окончание. Начало на 5-й стр.)

дом Чертлера и ушли. Пожар удалось потушить...

Часам к 11 приехали машины, но не с немцами, а опять с казаками. Один просил разрешения остановиться. Я провел его в комнаты, а он вдруг спрашивает:

— Ну что, рады приходу своих?

Я не поверил, говорили, что казаки переодеваются в красноармейцев, а потом убивают...

Радости не было конца...

Хотел у нас поселиться генерал, ему меня рекомендовали как старого большевика, но комнаты были не убраны, и адъютанту не понравились...

После таких писем тянуло в Одессу еще больше, но контр-адмирал Фадеев черкнул на рапорте: "Увольняться запрещается! Вы нужны флоту!"

— Военный совет ограничился беседой с вами, — сообщили или осадили.

Окольский же не ограничился. Уволился через год капитан-лейтенантом.

Вернулся в Одессу, в пароходстве даже раскопали карточку, а пароходов — кот наплакал. Взяли на "Красногорск", на подмену, штатный второй механик поехал в Новороссийск за метрикой. Капитану же новый второй механик глянцел, решил даже отказаться от штатного, но Окольский дорогу перебежать не привык.

— Пойдешь стармехом на "Кореиз", — пообещали в службе судового хозяйства.

— На год, не больше, — огласил он встречное желание, — а потом — на "Адмирал Ушаков".

Почему манил именно трофейный "Ушаков"? Машина там была интересная, сходящиеся поршни через гидромфуты работали на один гребной вал.

На "Ушакове" ходил до 52-го, довел старенькую машину до образцовости. Пришел из рейса, а его повестка ждалась из сталинского военкомата.

— Капитан-лейтенант запаса Окольский прибыл! — доложил, как положено. А ему:

— Уже не запаса.

— Я же был 11 месяцев в рейсе...

— Приказы не обсуждаются, а выполняются.

Поехал в Лиепая на военный судоремонтный завод старшим строителем подводных лодок, так по-флотски неуклюже обозначалась его должность. Ремонтировал подлодки всех мастей, вывел завод в передовые. В 58-м майор Окольский получил депешу от начальника военно-морских заводов страны инженера вице-адмирала Караганова, кстати, единственного в стране адмирала-инженера: "Прошу дать согласие должности нач. ПМ-96 тчк Учтите крайнюю необходимость тчк Не огорчайте отказом тчк".

Просьба начальства хуже приказа, почему и не огорчил. Ходили невероятные слухи, что вроде ПМ-26 открывает в океане ворота-аппарель, и туда проникает подводная лодка. Как в фильмах с Джеймсом Бондом. Полетел во Владивосток принимать Джеймсбондовского монстра.

Очередную морскую судьбу Окольского, ПМ-96, плававшую, сварганили из севшего на российскую мельку японского балкера водоизмещением в 60 тысяч тонн. В трюмах установили паровые молоты, карусельные и шлифовальные станки, в твиндеках станки помельче.

Была на ПМ-96 и своя литейка, даже якорь-цепи лили. В увеличенной надстройке должны были разместиться в походном порядке 200 рабочих-лимитчиков и 20 военнослужащих, офицеров и матросов сопровождения. На случай если придется перемещаться к театру военных действий тихоокеанского флота. Театром была записана Калифорния, известен был даже номер причала в Сан-Франциско, где монстр должен был швартоваться.

Плавающие заводские мощности Окольский содержал в боевой и производственной готовности, обеспечивал все виды ремонта, кроме докового.

Когда накопилась выслуга, пятнадцать лет "календаря" плюс война и

Камчатка, где год идет за полтора, запросился Сергей Борисович домой.

Уволился, разумеется, чтобы продолжить плавание. Еще желал завершить, наконец, образование. Когда в 50-е обращался с просьбой о восстановлении, ему говорили: "Давайте зачетную книжку". — "До войны их не было", — отвечал.

— Пишите в Среднюю Азию, где институт находился в эвакуации.

Писал. "Ваши документы готовы к отправке. Ждите", — отвечали.

Он и ждал. До 64-го. В 65-м защитился. В дипломе написали: "Поступил в 37-м... закончил в 65-м".

— Допишите: "Восстановлен в 64-м", — попросил декан, — а то неудобно.

Он образцово проплавал стармехом на разных судах до 86-го, скрывая от медиков осколок в лобной части головы. Осколок до сих пор стесняется, так же, как и приличной по нынешним ущербным понятиям пенсии с учетом ранения и беззаветной службы морской технике.

Сейчас в отчете Окольских уютно проживают другие люди, они здесь ни при чем, и, вероятно, заслужили благополучие в курортном районе. Дом и палисадник обихожены, видимо, средства позволяют. Сам же Сергей Борисович с семьей квартирует в пятиэтажке на углу улиц Космонавтов и Генерала Петрова, где в апреле этого года отметил свое 90-летие. С чем, пользуясь случаем, мы его сердечно поздравляем и желаем долгих лет жизни.

Окольский много лет хлопочет, нет, не о восстановлении исторической или фамильной справедливости, которые, кстати, гарантированы законами во многих авторитетных странах, а об организации в отчете музея революции. Время, понятно, не самое подходящее, и навряд ли оно вскоре забрезжит. Организацию музея революционной архитектуры пока отложили, как, впрочем, и оборудование мини-музея в помещении мореходной академии. На Дидрихсона располагался штаб Одесского оборонительного района, там командующий Приморской армией генерал Петров разрабатывал операции.

Если беспрочно откладывать воспитание на благополучное потом, то легко проворонить молодое поколение. А может, уже молодежь, наше будущее, зевнули.

Когда тяжело раненый и контуженный старший лейтенант Окольский лежал в госпитале на Мекензиевых горах, командующий Приморской армией генерал Петров и контр-адмирал Фадеев навестили раненых в подземных лазаретах Карантинной, где развернулся... 411, эвакуированный из Одессы госпиталь.

— Я даже не могу ему руку пожать, — сказал командующий Приморской армией генерал Петров. Руки у Окольского были забинтованы, голос адмирала после контузии он слышал как из-под воды.

"Республику" ШКИД все-таки экранизировали.

Увещательное и человеческое в картине есть, — писал А.И. Пантелеев, — иначе бы ее не ходили смотреть по 5-10 раз. И все-таки, фильм не доносит всей суровой красоты тех далеких лет, всей сложности характеров, всей многогранности быта вольнолюбивой мальчишеской республики... Жизнь "ШКИДы" на экране выглядит беднее и грубее, чем она была на самом деле".

Почти не замечаемый лет сорок (!) Пантелеев дожил до очень глубокой старости. За это время другое поколение мальчишек, никогда не видевшее "Республику ШКИД", обсмотрело сериалы "Звездных войн" и устало от войн.

Алексей Иванович Пантелеев неоднократно бывал в Одессе, проходил по Пионерской мимо дома № 9, снова не очень замечая его, шел по Кленовой через поселок "Самопошь" к первому детскому городку имени Коминтерна. Навстречу ему попадались темнокожие офицеры в форме, слушатели командно-инженерного училища с четвертой станции Большого Фонтана.

Феликс КОХРИХТ Последний герой нашего времени

В Одесском русском театре с успехом прошел первый показ спектакля по пьесе Александра Марданя "Последний герой".

Режиссер-постановщик — Сергей Голомазов.

Художник-постановщик — Григорий Файер.

Музыкальный руководитель — Евгения Ермакова.

В ролях: Юрий Невгамонный, Ирина Надеждина, Анна Дьяченко, Семен Крупник, Валерий Апраксин, Наталья Дубровская, Татьяна Маркова.

Одна из авторских ремарок, предваряющих I-й акт, содержит следующую информацию: "Действие происходит в двухкомнатной "хрущевке", в городе, жители которого говорят по-русски".

Знаменательно, что спектакль был показан в Одессе участникам и гостям международной научно-практической конференции "Русский театр в Украине. Вопросы современной драматургии". Первыми зрителями стали руководители театров, режиссеры, ученые, критики, журналисты России, Беларуси, Польши, Болгарии, Украины. За время, прошедшее с распада СССР и социализма, выросло новое поколение режиссеров, актеров, а главное, зрителей. Многие изменились в нашей жизни — и политические, и географические границы, и социальная система, и товарно-денежные отношения, и даже пресловутый квартирный вопрос, испортивший москвичей времен появления в ней Воланда, искушавшего персонажей романа Булгакова греховными предложениями. Помните, чем закончился сеанс черной магии в столичном цирке?

Многое изменилось в нашей с вами жизни. Появились новые заманухи для тех, кто хочет быстро получить много и сразу. К примеру, можно присесть у телефона, регистрируя звонки тех, кто возжелал приобрести грибки шампиньонов...

Появились новые игры, на которых можно быстро заработать, к примеру, лентбол... Все это и множество других способов быстрого обогащения испробовал бывший учитель истории Виктор, но к началу пьесы, к моменту главного и рокового Искушения ни в чем не достигший успеха. Действие начинается под аккомпанемент голоса, вещающего с телеэкрана об итогах очередного раунда реали-шоу "Последний герой", участники которого тоже хотят и денег, и славы, и уважения от своих близких...

Многое изменилось в нашей жизни, но человеческая природа осталась неизменной. Рано или поздно игрокам, поставивших на кон ставку, большую, чем жизнь, попросту съедят более удачливые соплеменники. На телеэкране — некую Вику, на сцене — Виктор. Увы, победительный корень в именах их не спасает.

Причем самые болезненные, смертельные удары наносят герою пьесы самые близкие люди — жена и дочь, а также соседи.

Для пьес Александра Марданя характерно органичное сочетание, казалось бы, различных стилистических особенностей. При всей достоверности деталей, узнаваемости времени и места действия, они метафоричны и близки к притчам. Легко можно представить себе нашего современника и земляка Виктора и владельца единственного в пустыне колодца, пытающимся содрать побольше верблюдов со страдающего жаждой атамана разбойников, и французским фермером, через землю которого должна пройти будущая автострада, и...

Случается, хотя и редко, что в этом смертельном покере наступает момент, когда дело уже не в верблюдах и франках (евро!), а в кураже, который был бы раз в жизни настывает каждого мужчину, даже самого последнего. Виктор, разумеется, очень хотелось бы купить дочери Кате отдельную квартиру, а супруге Людмиле — даже с видом на море, но куда важнее — доказать всем, в том числе и удачливым родственникам со стороны жены и маклеру Виталию, и всей его фирме "Атлантида", что он, во-первых, не тварь дрожащая (Достоевский), а во-вторых, играет не из денег (Пушкин). Виктор пытается как можно дороже продать строительной фирме свою двухкомнатную квартиру в "хрущевке", идущей под снос. Цена вопроса возрастает от праздника к празднику, которые мы отмечаем вместе с

этой семьей. В день серебряной свадьбы Виктору предлагают уже не 20, а 60 тысяч долларов, но он согласен принять от риэлторов не менее двухсот!

Впрочем, не исключено, что Виктор и этих действительно больших денег не взял бы... Во всяком случае, таким его почувствовал Юрий Невгамонный. Паразитическим и точным диссонансом между внешней фабулой и внутренним конфликтом звучит его последний монолог в опустевшем и брошенном всеми человеческом жилище: "...И все равно — дом живой. Поскрипывает чем-то, вздыхает. Не спит. Готовится...". И вновь, в новой пьесе Марданя — удивительное сочетание двух начал — прожектера Гаева и брошенного всеми Фирса...

"Чехов нужен всем!" — эта, казалось бы, "проходная" реплика супруги Виктора Людмилы — ответственной квартирьершею — много дает чуткому уху. Как и Раневская свой Вишневы сад, Павлова, вздыхающая о родовом гнезде ("Это квартира моих родителей"), первой его и предаст вместе с Фирсом, Гаевым и серыми квартирными мышками...

Внимательный читатель пьесы заметит, что постановщик спектакля привнес в список действующих лиц юношей и девушек в белом — отнюдь не врачей и не ангелов, а шагнувших с телеэкрана в сценическую жизнь участников реали-шоу "Последний герой". Среди них, вероятно, есть и аутсайдер — съеденная племенем Вика, есть и безымянный победитель. Им же выпала роль строителя-могильщика Дома Павлова и его последнего защитника.

Уважая право Сергея Голомазова на собственное прочтение пьесы, отмечая несомненно высокий профессионализм и столичный класс режиссера, замечу, что в его трактовке финал истории, рассказанной Александром Марданем, увы, потерял многозначность и лишил зрителей редкой и увлекательной возможности самим поразмышлять, куда же подевался Последний герой в момент, когда по его панельной крепости под дивный вальс Шостаковича вдарилась стальная стенобитная баба...

То ли в небо вознесся — к своему героическому тестю, начальнику СМУ Павлову, то ли в канализацию просочился вместе с последними мышками, то ли незаметно от строителей спустился по лестнице, вышел из дома и пошел себе по улице Тенистой или Радостной подобно герою стихотворения Даниила Хармса, и никто его больше никогда не увидит...

Фото Олега ВЛАДИМИРСКОГО.

